

Храмом книги наречется...

Жаль, что в вестибюлях наших библиотек нет портретов их основателей. Не принято было в Советской России говорить о заслугах перед народом тех, кто сам был его частью. Создавали «заводами», «фабриками», «городами» для их же работников и жителей, не замечая того, как скудеет наша память о прошлом...

Впрочем, сами книги считались надежными хранителями времени. Иначе, зачем было правительству страны в эпоху разора и неопределенности, строя металлургический гигант у подножья горы Магнитной, заботиться еще и о создании библиотеки для его рабочих? И ведь формировали фонды не с кондачка да «на глазок». В букинистических магазинах Москвы и Ленинграда за немалые деньги покупались книги — современники Ломоносова и декабристов, Тургенева, Чехова, Куприна...

Сегодня в «редком фонде» библиотеки металлургов АО «ММК» можно отыскать подшивки «Нивы» и прижизненное издание поэмы Блока «Двенадцать» (такого не найдешь ни в одной из городских библиотек). Здесь есть ровесник века — энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона и тома знаменитой «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева...

Если вас интересует искусство, на стеллажах библиотеки вам отыщут академическое издание «Истории русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари, перепику Петра Ильича Чайковского и Анны фон Мекк...

А впрочем, не так уж много романтиков, способных упиваться чужим смятением чувств, похоже, осталось. Нынче на дворе — век практиков. Но и они найдут немало интересного для себя в шелесте библиотечных страниц. Справочники и словари по политологии, коммерции, экономике, социологии, неформальным объединениям, международной символике и эмблематике, совместным и малым предприятиям предоставят максимум необходимой информации. Добавьте к этому около 20 наименований специальных экономических газет и журналов, которые можно просмотреть в читальном зале периодики, и если после этого у вас еще останутся сомнения во всемогуществе одной из лучших некогда профсоюзных библиотек России, вы попросту чужды копания в книгах в поисках открытия.

Но виноваты в этом не библиотеки. Нет. Они как были, так и останутся хранилищами человеческого знания. Хотя и их время вынуждает бороться за существование не с помощью разумного, доброго, вечного, а вполне приземленными способами. Не так давно, выделившись в обособленное социально-культурное подраз-

деление, библиотеке металлургов пришлось ввести не только платное обслуживание своих читателей (не распространяется оно только на школьников до IX класса, пенсионеров, инвалидов и малоимущих), но и открыть в конференц-зале коммерческий магазин и даже задуматься над идеей о сотрудничестве с фирмами. Нужно выживать, иначе, комбинат, не выдержав экономического прессинга и правительственных экспериментов по доведению экономики России до логического конца, вынужден будет отдать магнитогорскую «ленинку» городу.

«Ну и что в этом страшного? — заметит кто-то. — На Западе давно уже никому в голову не приходит содержать крупнейшие библиотеки при концернах или фирмах. Подобные учреждения отданы в ведение муниципалитетов.» Но Запад и живет давным-давно иначе, чем мы. Там муниципалитетам хватает средств не только на библиотеки, но и на бесперебойную работу всех городских служб. А наши городские власти при случае, ничтоже сумняшеся, оправдывают грязь на улицах и разбитые окна в подъездах тем, что денег на это отпускается бюджетом ничтожно мало (хотя, было время, отпускали еще меньше, но жили мы почему-то более достойно). Во что превращены теперь городские трамваи, и рассказывать лишний раз не стоит. Передал их комбинат городу, и фанера вместо стекла появилась в окнах вагонов почти одновременно с покореженными и выкорчеванными сиденьями...

Так какой же участи ждать библиотеке металлургов, если вольется она в объединение городских «соплеменниц»? Через некоторое время фонды ее «потеснят», ссылаясь все на тот же пресловутый недостаток средств. Ведь «пожертвовала» же Москва своей «тургеневкой» (созданной когда-то для народа) во имя экономического благополучия все того же народа, которое создают у нас теперь владельцы частных кабаков. А мы — то чем хуже?

Возможно, здание старейшей библиотеки города с 65-летней историей и не отдадут под ресторан или казино. Но «площадям» пропасть не дадут — это уж точно. А что станет с фондом, насчитывающим более 741 тыс. книг, подшивками газет и журналов, которые хранятся в библиотеке со времен ее основания, что станет с дореволюционными и редкими изданиями, купленными и выписанными некогда на средства, отпускавшиеся Магнитогорским металлургическим? Частично им найдут место в других библиотеках города, частично спишут, частично их разворуют читатели, поскольку на установку системы надежной охраны библиотечных ценностей средств у города никогда не было и, по всей вероятности, в нынешней ситуации тем более не предвидится.

Не правда ли, все это так знакомо, и исторические аналогии напрашиваются сами собой? Помните коллективизацию и разорение частных хозяйств? В итоге, страна теперь платит по фермеру. Разорив и уравнив фонды библиотек, мы будем впоследствии искать виновных в духовной деградации населения.

И потому мне жаль, что нет в вестибюлях наших библиотек портретов их основателей. Лучшие библиотеки в России всегда создавали и содержали меценаты — в одиночку ли или «со товарищи». Обезличка же хозяев неминуемо приводила к вырождению. Вспомните участь обобществленных «ленинок», «салтыковки», «тургеневки», до книжных собраний которых сегодня есть дело разве что специалистам.

Не верится мне, что город, в бюджетной сфере которого ожидается сокращение до 40 процентов работников, всеми силами и средствами будет бороться за выживание бывшей библиотеки АО «ММК». В демонтаже за последние годы мы преуспели лучше, чем в создании.

А читатели в библиотеку металлургов продолжают приходить и даже успели смириться с тем, что платить нынче нужно всюду и за все, ибо в эпоху экономического абсурда «торговлю во храме» приходится прощать как необходимое зло.

В. ЗАСПИЧ.

На снимках: жемчужины «редкого фонда»; в тиши читального зала; добро пожаловать за покупками!

Фото В. МАКАРЕНКО.

БЕСЕДЫ С КНИГАМИ

Рубрику ведет начальник электробюро ОКС АО ММК, заслуженный работник культуры Российской Федерации, художник Владислав АРИСТОВ.

С. Залыгин. Рассказы от первого лица

То, что я рассчитывал, получил. И, как говорит один из героев рассказа «Наши лошади», это уже «не я», тем самым заставив вычислить меня; и что такое «я», и что такое «не я». Залыгин всепроникающ, все может, что хочет... Его писательский «стриптиз» в рассказе «Фестиваль» уникален, его биологизм в «Коровьем веке» прозрачен и плотен одновременно, его прорыв из космоса детства в узкую лощину знания и понимания частностей бытия в «Ангельской ночи» узнаваем лично сквозь любую толщу времени.

«Я» и «не я». Слово, исследующее этот дуэт, перестает быть словом, оно становится движением ума и сердца, новой работой души. Банальность бытия становится питательной средой для всходов осознания самого себя...

Увидеть не взором, а увидеть словом, увидеть мыслью, увидеть чувством... Вот что предлагает автор. Я смотрю на природного стереотипа, только в глазах что-то вот-вот случится и вторгнется в сиюминутность...

Гений русского духа? Может быть. Во всяком случае в то пространство, что предлагает автор, входил, забывая о выходе.

Ф. Искандер.

Стоянка человека

Странное дело, читаешь эту повесть, но об Икаре ни разу не вспоминаешь, хотя фабула в сжатом виде чисто икаровская: придумал крылья, взлетел и разбился... Вся повесть воспринимается, как сборник притч, в чем-то почти библейских, в которых герой повести проходит, если не мессией, то пророком и пророком в одоленном автором пространстве героя. Таким образом, это повесть о Викторе Максимо-виче, о его друге (авторе повести), о людях, населяющих их жизни, о горах и море, о видениях духа, летающего над корчами земли... О значимости и величии осознанного человеческого присутствия, не взыскующего ни пафос, ни дивиденды будущего. Как это там: «...но мир, в котором еще осталась полнота жеста, может быть и сам, по чертежу этого жеста, постепенно восстановлен во всей своей полноте. Терпения и мужества, друзья».

Обаяние прозы Ф. Искандера в этой повести усиливается неожиданными ракурсами, в которых размещается читатель (вместе с автором) по отношению к герою и окружающему его миру: это и кофейня с видом на греческий парос, и верхний, едва тронутый солнцем, слой моря в апреле, и шурф золотодобытчиков в лагерьной зоне, и ночной сад, освещенный далеким лучом с пограничного катера, и конвульсирующий в разрывах зенитных снарядов и падающих сверху бомб штабной самолетик, и (извлекаю из повести последние, завершающие слова): «Серый коршун с распорхнутыми, шевелящимися кончиками крыльев пролетел над гребнем горы, на которой я сижу. Поравнявшись со мной, он лениво откачнулся вверх, словно оплыл меня в воздухе, как чужеродный предмет». О чем они? О смирении перед мировым духом?

О. Мандельштам. Полон музыки, музы и муки... Стихи и проза

Для этой маленькой, уютной книжечки я приберег одну из зимних ночей в горах, нескончаемую, засыпанную снежной тишиной, полнозвездную ночь. Шелестела скудным огоньком печи, помаргивала рукодельная свеча, и свет ее стался по строкам:

*И летяся вспять, еще пеняся и меряся,
То мерой льна, то мерой волокна,
И летяся смолкой, сам себе не веряся,
Из ничего, из нити, из темна.*

Эта книга о «первоначальной немоте», о звуковых «первинах» природы, из которых вылепывалась поэзия и музыка, продираясь сквозь месиво жизни, впитывая в себя все ее ферменты, всю брагу ее и сукровицу.

Вот как услышан поэтом «концертный» Чайковский. «Как убедительно звучали эти размягченные итальянским басом, но все же русские скрипичные голоса в грязной еврейской клоаке». Вот как озвучена поэтом игра двух виртуозов: «Я никогда ни у кого не слышал такого чистого, первородно-ясного и прозрачного звука, трезвого в роляе, как ключевая вода, и доводящего скрипку до простейшего, не разложимого на составные волокна голоса; я никогда не слышал больше такого виртуозного, альпийского холода, как в скуности, трезвости и формальной ясности этих двух законников скрипки и роляе». И вот как узнано и воплощено в слово нотное письмо: «Каждый такт — это, лодочка, груженная изюмом и черным виноградом» или «Нотная страница — это, во-первых, диспозиция боя парусных флотилий, во-вторых, это план, по которому тонет ночь, организованная в косточки слив». И вот как увиден беспредел музыки:

*Сердце скалось, как маленький мяч:
полон музыки, музы и муки
Жизни тающей сладостный плач!*

Поэт замирает, застывает в музыке, изнывая по своду поэзии, удерживающему музыку в пределах бессмертной души: «Я хочу говорить о смерти Скрябина, как о высшем акте его творчества». И опять же поэт осуществляет мощный рывок к озарению, что «Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления», и «Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа».

И, завершая поэтическую экспансию в мир музыки, поэт как бы обретает себя, сосредотачиваясь и форсируя творческую форму в дивном четверостишии:

*Есть иволги в лесах и гласных долгота —
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлига
В природе длительность,*

*как в метрике Гомера,
Слово найдено, и «звук ринулся к затвору,
зубов».*

